

Наталья
Александрова

Заколдованная шкатулка

Наталья Николаевна Александрова
Заколдованная шкатулка
Серия «Детектив-любитель Надежда Лебедева»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6890009
Заколдованная шкатулка : [роман] / Наталья Александрова: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083440-2

Аннотация

Надежда Лебедева любила разгадывать загадки. Не ребусы и кроссворды из еженедельных газет и журналов, а загадки, которые подбрасывает сама жизнь. Случайно познакомившись в метро с юной художницей, Надежда оказалась вовлечена в загадочную историю, уходящую корнями в далекое прошлое. В ее руках оказался таинственный артефакт – японская шкатулка с секретом химицу-бако. Открыть ее не так просто, для этого надо решить ряд непростых головоломок. Но стоит ли вообще это делать? Ведь никто не знает, какую тайну хранит в себе этот изящный предмет. Но извечное женское любопытство и авантюрный характер одерживают верх над осторожностью, и это приводит к самым непредсказуемым и ошеломительным последствиям.

Наталья Александрова

Заколдованная шкатулка

© Александрова Н.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Надежда села на освободившееся место осторожно, деликатно, стараясь не плюхаться всем весом и не показывать на лице откровенного облегчения. Вообще-то ноги уже не держали — тащила до метро пешком, а сегодня с утра наступила самая настоящая оттепель, так что под ногами была снежная каша, а под ней — самый настоящий олимпийский каток. Да еще сумка тяжеленная — мать как всегда навязала две банки варенья и половину тыквы. Надежда не хотела брать — дескать, в субботу приедем с мужем на машине, так получила за это выволочку. Мать долго детально разбирала характер нынешних молодых людей и перечисляла их недостатки. «Мы, — говорила мать хорошо поставленным голосом, — всякое в жизни повидали. Надо было — траншеи копали, надо было — бревна на себе таскали. И ни на кого свою работу не сваливали. А тебе лень даже для себя варенье принести, норовишь все хозяйство на мужа свалить, хотя прекрасно знаешь, что он много работает и в выходной должен отдыхать, тем более что тыква до субботы все равно испортится, раз уже разрезана».

Во всем страстном монологе была одна приятная вещь — то, что мать причисляла Надежду к молодым людям. Все остальное было явным и сознательным преувеличением — и про траншеи, и про бревна, и про Надеждину лень.

С некоторых пор Надежда Николаевна Лебедева — интеллигентная женщина средних, скажем так, лет, — оказалась без работы. Ну просто уволили их всем отделом во главе с начальником, чтобы никому не было обидно. Муж Надежды по этому поводу неприлично обрадовался — дескать, теперь в доме будет порядок и вкусный ужин каждый день. И сама Надежда не будет нервничать и переутомляться, займется собой и так далее. Надежда вовремя сообразила не озвучивать свои мысли по этому поводу, чтобы не выглядеть неблагодарной, — человек к ней со всей душой, хочет как лучше, а она сокрушается по поводу потери работы, да провались она совсем. Тем более что денег муж зарабатывал вполне достаточно, на жизнь хватало. И Надежда создавала ему вполне приличные условия для этой самой жизни. Муж был у нее второй, любимый, человек от природы некапризный, заботливый и внимательный, так что все у них было хорошо. И напрасно мать говорила ей такие слова. Но с некоторых пор Надежда взяла себе за правило с матерью не спорить — себе дороже обойдется. Матери шел восьмой десяток, она была сильна духом и довольно бодра, но характер с возрастом ухудшился.

Надежда прочно утвердилась на месте и мимоходом удивилась своей усталости — неужели возраст сказывается? Ух, как ненавидела она эту круглую цифру — сначала пятерка, а потом еще толстый наглый ноль. Но как советовали древние мудрецы — примиришься с тем, что ты никак не можешь изменить.

Надежда перевела дух и решила не думать о неприятном. Хорошо бы почитать, но детектив остался на дне сумки, как раз под тыквой, так что достать его было нереально — еще банки с вареньем разобьются. Слева от нее мужчина читал электронную книгу и, уловив ее взгляд, раздраженно покосился. Надежда и сама не любила, когда заглядывают через плечо. Справа девушка что-то писала, склонившись над блокнотом.

Надежда осторожно скосила глаза. Блокнот был довольно большой, вот девушка оторвалась от него, бросила быстрый взгляд на противоположное сиденье и тут же снова уткнулась в блокнот.

Да она же рисует! И правда, легкими штрихами девушка набрасывала портрет сидящего напротив мужчины. Надежда чуть пошевелилась и вытянула шею. Получалось у девушки отлично — мужчина выходил очень похожим, и даже было ясно, что у него за характер. Не слишком молод, устал от жизни и от работы, под глазами мешки, на переносице — глубокая морщина. И видно, что человек суровый, мрачный, небось, жену изводит дома придирами, а если уж поссорятся, то сам первый никогда не подойдет, будет молчать весь вечер, и молчание это повиснет в доме, как топор над головой.

Надежда подняла глаза. Надо же, а если на оригинал посмотришь, то ничего такого и не подумаешь — совершенно заурядное лицо, смотрит перед собой пустым взглядом, спит, что ли, с открытыми глазами...

Девушка, надо полагать, закончила рисунок, вытащила лист, и Надежда поняла, что у нее не блокнот, а планшет, все листы отдельно. Девушка убрала использованный лист в конец стопки, причем Надежда заметила, что у нее уже есть один портрет — кажется, тоже мужской. А девушка внимательно посмотрела на старуху, что читала газету. Старуха была в потертых джинсах, в кроссовках и молодежной шапочке с помпоном. И еще без очков, очевидно, поэтому держала газету слишком близко и впивалась глазами в строчки, шевеля губами. Надежда прочитала некоторые заголовки в газете:

«Известный актер зверски избил свою тещу!»

«Знаменитая певица за неделю похудела на сорок восемь килограммов!»

«Сотрудница зоопарка родила ребенка от орангутанга!»

«Какой ужас! — привычно вздохнула Надежда. — Ох уж эта желтая пресса! И ведь все врут, в нашем зоопарке и орангутанга-то нет, он давно умер от старости...»

Старуха из-за газеты зыркнула на нее сердито — как будто прочитала ее неодобрительные мысли, и Надежда Николаевна поскорее опустила глаза. Девушка занималась своим делом — и вот уже проступили на листе старухины черты. Никакая шапочка с помпоном не помогла — сразу видно, что старухе восьмой десяток капает. И хоть хорохорится она, бодрится, утром зарядку делает, днем в парке с палками ходит — понятно, что одинокая как перст, нет у нее ни детей, ни внуков. А друзей да племянников она сама разогнала, потому как характер имеет скверный, ни тепла от нее не дождешься, ни слова ласкового.

И посещают старуху разные мысли, когда бессонница. Что вот придет однажды ночью к ней такая же старуха, только с косой, а ей, нашей-то старухе, и попрощаться на этом свете не с кем. Один на один она со смертью окажется. И там уж характер жесткий не поможет, эта, с косой, и не такое видала.

И найдут ее, бездыханную, только через несколько дней. Почтальонша, там, забеспокоится или дворник. Соседи и то не спохватятся, старуха со всеми давно на ножах, им до лампочки, что там с ней происходит, жива ли она.

Мысли такие посещают старуху ночью, днем-то она отвлекается — вот, желтую прессу почитывает, телевизор опять же смотрит.

И все это девушка сумела передать несколькими штрихами.

— Да у вас талант! — невольно восхитилась Надежда.

— Что вы! — смутилась девушка. — Я только учусь. А в метро рисую, чтобы время зря не тратить.

Это Надежде было понятно, она и сама не любила зря тратить время, и людей таких уважала. Девушка между тем покончила со старухой и перешла к парню, что сидел напротив, придерживая ногами большую сумку. На парне была кепочка-бейсболка с логотипом известного интернет-магазина «Сезон», Надежда и сама пару раз заказывала у них книжки и учебники для внучки. Внучка Светланка жила со своими родителями в далеком Северодвинске, зять Надежды был раньше моряком, а потом перешел на сушу, так всем спокойнее и денег больше. Но жили они пока на Севере. Надежда Николаевна по внучке скучала, но видно уж судьба такая — жить им врозь.

Объявили Надеждину остановку, она встала с сожалением. Но девушка тоже собрала свои вещи и пошла за ней. И курьер из «Сезона» подхватил свою сумку и, проходя мимо старухи, задел ее газету. Старуха рывкнула что-то, но парень сделал вид, что не слышал. Надежда пропустила парня вперед, чтобы оказаться поближе к девушке. Они вместе вышли из вагона, краем глаза Надежда видела, что старуха сложила свою газету и тоже вышла.

Ничего удивительного, у них последняя станция перед конечной, в этом вагоне все тут выходят, эскалатор отсюда ближе всего. Девушка шагнула вперед, слегка кивнув Надежде на прощание, та улыбнулась в ответ.

В вестибюле метро Надежда отвлеклась на книжный ларек. Не то чтобы хотелось рассмотреть книжки — все это она уже видела утром, просто нужно было передохнуть. Проклятая сумка оттянула все руки, да еще банка с вареньем била по ногам. Надежда наклонилась, чтобы проверить, не перевернулись ли банки, а когда разогнулась, то парень из «Сезона» едва не двинул ей по шее своей сумкой.

— Осторожнее! — закричала она.

— Простите! — Парень казалось, искренне огорчился. — Простите, не заметил. Не скажете, как мне найти улицу Аппетитова, дом пять?

— А, это вам нужно сейчас дорогу перейти и вот туда, в проход между домами, мимо торгового центра! — оживилась Надежда. — Там будет улица, это и есть Аппетитова, так вы ее не переходите, а сразу налево. Три дома пройдете, и будет нужный, номер пять.

— Спасибо! — Парень легко вскинул на плечо огромную сумку и зашагал широкими шагами в нужную сторону.

Глядя ему вслед, Надежда Николаевна сообразила, что он идет в ее дом.

Надежда Николаевна жила здесь не так долго, второй год всего. Раньше они с мужем жили в ее однокомнатной квартирке, но потом сын Сан Саныча с женой, сыном и сенбернаром Арчибальдом уехал работать по контракту в Канаду, и тогда супруги Лебедевы переселились в эту трехкомнатную. За квартирой присмотреть и вообще, не пропадать же жилплощади.

Надежда долго не хотела привыкать к новому жилью, потому что, ко всему прочему, улица Аппетитова вызывала у нее самые неприятные ассоциации. Точнее, с улицей-то все было в порядке — широкая, зеленая, дома новые, красивые, метро недалеко, но и не рядом, так что ни бомжей, ни ларьков, ни музыки громкой.

Все дело было в названии. Работал когда-то давно у Надежды в институте некто Аппетитов — очень неприятный тип, выскочка и набитый дурак. Поговаривали даже, что постукивал этот Аппетитов, да не только начальству, но и в компетентные органы.

Про это Надежде верилось с трудом — уж больно был мужик глуп, проще говоря — тупой, как табуретка. Работать его никто не заставлял, начальство убедилось, что это себе дороже обойдется. И наивысшей удачей считалось, если удавалось перевести этого Аппетитова в другой отдел — пускай-ка там теперь с ним помучаются. И ладно бы сидел себе

тихонько за шкафом и, к примеру, решал кроссворды или спал с открытыми глазами. Так нет же, противный Appetитов подслушивал разговоры, говорил сотрудникам гадости, отмечал в специальном блокнотике, кто на сколько опоздал с обеда или лишний раз вышел из комнаты, — в общем, усиленно старался сделать жизнь сотрудников невыносимой.

Короче говоря, фамилия Appetитов не вызывала у Надежды положительных эмоций. Улица, конечно, была названа не в честь ее бывшего сотрудника, но, может, это его родственник?

Муж в ответ на ее вопрос пожал плечами, он с Appetитовым на работе не столкнулся — Бог миловал. Дома на улице были относительно новые, люди в них жили разные, но никто понятия не имел, в честь кого названа улица. Соседка Антонина Васильевна, которая все всегда знала, сказала лишь, что улицу назвали так очень давно. Надежда прекратила расспросы, но все равно было противно.

Размышляя так, Надежда Николаевна машинально двинулась к переходу через проспект. Машины неслись непрерывным потоком, люди дисциплинированно ждали на краю тротуара. Вот красный сигнал светофора замигал и переключился на желтый, и тут на перекресток выскочил какой-то ошалелый водитель на стареньком «Опеле», торопясь проскочить на желтый.

Пешеходы по-прежнему терпеливо дожидались, пока появится зеленый огонек с бегущим человечком. Но когда «Опель» оказался на середине улицы, буквально ему под колеса вылетела женская фигура в серой неприметной курточке. Женщина возле Надежды громко ахнула и закрыла лицо руками, не в силах видеть, как девчонку сейчас превратят в лепешку. Водитель «Опеля» истошно засигналил, Надежда почувствовала, как сердце ее стремительно проваливается куда-то вниз, и сквозь пелену перед глазами заметила, как серая фигурка сгруппировалась и буквально выскользнула из-под колес, с размаху ударилась головой о поребрик и застыла. «Опель» в это время пытался тормозить с ужасающим скрипом, свернул в сторону и врезался в припаркованную на другой стороне «Газель», которая от такой наглости возмущенно загудела.

Все случилось буквально за несколько секунд, толпа не успела ничего сообразить. Хорошо, что машины загодя притормаживали на переходе, больше никто ни в кого не врезался.

Толпа окаменела, потом поднялся крик, все зашевелились, Надежду вытолкнули вперед, к безжизненному телу. Она в ужасе присела, собрав все свое мужество, и взяла девушку за руку. Пульса не было, а может, в нервах она не могла его найти. Однако рука была теплой, и Надежде показалось, что она слегка шевельнулась. Ну да, тело едва заметно дернулось, и Надежда услышала тихий стон.

Вокруг уже напирали любопытные.

— Да дайте же ей воздуха! — крикнула Надежда.

— А что, она жива? — удивился толстый дядька в поношенной старомодной дубленке. — Ну это надо...

Теперь уже все видели, что девушка шевелится и старается перевернуться.

— Не трогайте ее! — взвизгнула та женщина, что стояла перед Надеждой на переходе. — Везде говорят, чтобы пострадавшего не трогали, — вдруг у нее позвоночник сломан?

— Что, она так и будет лежать на ледяном асфальте? — растерялась Надежда.

Девушка приподнялась на локтях и со стоном повернулась на бок.

— «Скоруо» уже вызвали, — сказал дядька в дубленке.

— Так когда она еще приедет. — Надежда решительно поддержала девушку за локоть и увидела близко ее лицо.

Это была та самая девушка, что сидела с ней рядом в метро и рисовала пассажиров. Те же прямые темные волосы, курточка неприметная, только глаза мутноватые и щека распухла. Да вот и сумка ее рядом валяется — большая коричневая торба с завязками.

— Как вы? — спросила она. — Где болит?

Девушка прислушалась к себе, потом мучительно поморщилась и попыталась сесть.

— Голова... — простонала она, — кружится, и все мутно...

Надежда оттолкнула какого-то мужичка, сунувшегося слишком близко, и помогла девушке сесть, подложив под спину торбу.

— Зря вы это! — высказалась давешняя тетя. — Может, у нее позвоночник...

— У тебя самой позвоночник! — вступился дядька в дубленке. — Видно же, что она сидеть может, значит не все так плохо, переломов нету.

— Лезут сами под колеса! — тут же вскипела тетка. — Только людей пугают!

— Как же это вы так неосторожно?.. — сказала Надежда.

— Да я... — девушка поникла головой, — я не понимаю...

Тут сзади раздался громкий голос:

— Граждане, расступитесь, дайте осмотреть пострадавшую! — и появилась солидная тетка в синей униформе, а с ней — молодой парень с носилками.

Тетка отодвинула Надежду мощным плечом и склонилась над пострадавшей. Быстро ощупав ей руки-ноги, она спросила, сколько показывает пальцев, и, очевидно не удовлетворившись ответом, попыталась осмотреть голову.

— Быстро как они приехали, — тихонько сказала Надежда дядьке в дубленке.

— А то, — так же шепотом ответил он, — они на уличные происшествия быстро приезжают, чтобы движение не встало.

Надежда оглянулась на «Опель». Там всюду шел скандал. Водитель пострадавшей «Газели», немолодой таджик, прибежал из кафе, что находилось рядом, дожевывая на ходу бутерброд. Appetit у него пропал сразу же, потому что из его грузовичка сыпались на асфальт какие-то коробки и тюки. Теперь водитель бегал вокруг, изрыгая проклятия и потрясая кулаками. Он то задирает голову к небу, призывая, надо полагать, в свидетели своего Аллаха, то хватался за телефон и начинал тараторить в него по-своему.

Водитель «Опеля» лениво отлаивался, ему уже было все равно.

Скоро приехала машина с мигалкой. Увидев милицию, толпа начала редеть, дядька в дубленке сердечно простился с Надеждой и пошел по своим делам.

Надежда Николаевна оглянулась на пострадавшую девушку. Докторша уже наскоро заклеила ей рану на голове пластырем и теперь бережно укладывала на носилки. Парень помогал.

Они с докторшей споро подхватили носилки и понесли их к машине, на асфальте осталась сумка. Люди из «Скорой» не заметили ее, потому что в суматохе сумку отпихнули чуть в сторону. Надежда шагнула ближе и тут увидела, что к сумке уже тянет руки какой-то самого паршивого вида мужичонка.

— Эй, ты что это делаешь? — прошипела она, схватившись за ремешок. — Тебе чего тут надо?

По тому, как он дернулся и заверещал как мартовский заяц, Надежда поняла, что ее опасения верны — хочет этот гад сумку прихватить под шумок.

— Женщина, да вы что? — отбивался мужичонка. Похожим на зайца его делали редкие зубы. — Да вы что это себе думаете?

— Отдай сумку! — рявкнула Надежда. — Отдай, а то хуже будет! Вон, милиция через дорогу!

— Да что мне милиция! — Он попытался пнуть Надежду под коленку и дернул сумку сильнее.

В другой руке у нее была своя собственная тяжеленная сумка, так что эту она могла держать только левой.

— Да помогите же кто-нибудь! — крикнула Надежда, но как назло никого рядом не оказалась.

Девушку грузили в машину «Скорой помощи», оставшиеся зеваки пялились на обиженную «Газель». Пара коробок открылась, и на мостовую вывалились пакетики чипсов.

— Ах ты, такая-сякая! — Плюгавый мужичонка наклонил голову и боднул Надежду. То есть только попытался это сделать.

Реакция у Надежды Николаевны всегда была отменной, так что она бросила свою сумку и свободной рукой двинула паршивцу в лоб. Не слишком сильно, но от удара с него слетела вязаная шапочка, и показались плешивая голова и оттопыренные уши. Теперь он стал похож не на зайца, а на взбесившегося шимпанзе. Надежда же, услышав, что в ее сумке звякнуло, а стало быть, разбилась все-таки банка варенья, пришла в неопишумую ярость, которая удесятирила ее силы. Она дернула за ремешок и без труда отняла коричневую торбу.

— Вали отсюда немедленно! — прошипела она. — Вали, козел, пока я милицию не позвала!

И мерзкий тип убрался, словно его и не было. Надежда оглянулась и увидела только задние огни уезжающей «Скорой». Вот тебе и раз!

Она подхватила обе сумки и отправилась домой, оставляя позади себя тонкую струйку варенья, которое потихоньку просачивалось сквозь сумку, и решая в уме два вопроса: какое разбилось варенье — смородиновое или черничное и как теперь оправдаться перед матерью. Вопрос о том, каким образом она вернет чужую сумку, Надежду не очень беспокоил. Вполне возможно, что найдется в сумке какой-нибудь документ или мобильник, а еще можно узнать, в какую больницу отвезли девушку, и сходить туда. А пока пускай сумка у нее полежит, сохранней будет.

После того как пострадавшую девушку увезли, толпа быстро растаяла, в основном разошлись по своим делам. Остались самые закаленные зеваки, которым совсем уже нечего было делать, они никуда не торопились и перешли через дорогу, чтобы понаблюдать за развитием отношений между водителями «Газели» и «Опеля».

Надо сказать, что скандал быстро закончился, не успев как следует разгореться. Приехавший гаишник призвал договаривающиеся стороны к порядку, быстро все измерил, опросил водителей и составил акт. К тому времени зеваки уже разбежались — кому охота в свидетели попасть? Водитель «Опеля» все валил на девчонку — выскочила, мол, на проезжую часть, он и свернул в сторону, чтобы не задавить. Таджик все причитал над пропавшим товаром и, даже получив справку об аварии, не успокоился, а все цокал языком — дескать, хозяин этой бумажке не поверит, и придется ему оплачивать пропавшие чипсы из своего кармана.

Когда все разъехались, улица стала прежней: станция метро, большой новый дом с магазинами внизу, несколько самых обычных ларьков — пункт приема платежей сотовой связи, ремонт обуви, простенькое кафе для водителей.

Снова появился худой вертлявый мужичок с оттопыренными ушами и криво торчащими редкими зубами. Воровато оглядевшись по сторонам, он зашел за ларьки. Остановился возле мусорного бака, достал пачку сигарет и неторопливо закурил. Струйка дыма от дешевой сигареты смешалась с опустившимся на город густым промозглым туманом.

Сделав несколько жадных затяжек, редкозубый мужичонка вытащил из-за пазухи тощий потертый бумажник — успел все же в толпе, окружавшей раненую девушку, подсмотреть, что плохо лежит. Раскрыв его, он внимательно ознакомился с содержимым.

Результат его разочаровал: в бумажнике оказалось всего триста пятьдесят рублей, фотография полной, сильно накрашенной блондинки, мятая квитанция из химчистки и несколько бесполезных карточек на скидки в обувных и хозяйственных магазинах.

Мужичок переложил деньги в свой собственный кошелек, а бумажник с дисконтными карточками и прочей бесполезной дрянью выкинул в мусорный бак.

— Совести у людей нет, — мрачно пробормотал он, затянувшись сигаретой. — Считай, с пустым лопатником ходит... Надо же и о людях думать! Понятно, что за таким кошельком и следить не надо — потеряла, так только лучше, новый купит...

Тут из тумана выступила темная фигура — высокий, немного сутулый мужчина в черном пальто с поднятым воротником, в надвинутой на самые глаза кепке.

— Минздрав последний раз предупреждает — курение опасно для вашего здоровья! — процедил человек в черном, сверкнув глазами из-под козырька.

Вертлявый мужичок закашлялся, заморгал глазами.

— Вот ведь напугал! — проговорил он, отдышавшись, и делано засмеялся. — А я-то думаю, куда ты подевался...

— Ты думаешь? — недоверчиво переспросил человек в черном. — Что-то непохоже... Ты мне лучше скажи — сделал, что я велел?

— Ну, не совсем... — промямлил мужичонка, отводя глаза. — То есть я почти было уже, но она...

— Что значит — не совсем? — прервал его собеседник. — Что значит — почти? Ты или украл у нее сумку, или нет!

— Ну вот зачем такие слова говорить? Вдруг нас кто-то подслушивает? — Мужичок опасливо завертел головой. — Что за слово такое — украл! Можно ведь иначе как-нибудь сказать — взял, допустим, или позаимствовал... А то сразу — украл! Это прямо не слово, а готовая статья Уголовного кодекса...

— Некогда мне с тобой церемонии разводить! — прошипел человек в черном. — Говори прямо — у тебя сумка?

— Нет, — редкозубый развел руками, — не сложилось... Я уже было ее подобрал, а тут тетка какая-то откуда ни возьмись, схватилась за эту сумку с другой стороны и принялась меня лупить... Вон, смотри, всю личность расцарапала и под глазом фонарь засветила...

— Ага, ты еще побои зафиксируй и выплату потребуй за производственную травму. Короче, значит, нету у тебя сумки... — Человек в черном ссутулился.

— Нету! — вздохнул карманник. — Даже у такого профессионала, как я, случаются иногда отдельные проколы... Слушай, друг, а на фига вообще тебе та сумка? Девчонка, повсему, бедная, вряд ли у нее в сумке что-то было стоящее...

— А вот это тебя совсем не касается! — Из-под кепки мужичонку обжег неприязненный взгляд.

— Если хочешь, я тебе таких сумок двадцать штук нарежу! Это мне раз плюнуть! — бахвалился он, но слова прозвучали как-то неуверенно.

— Ладно, проехали! — Человек в черном отвернулся.

— Ну а коли так — прощения просим, — мужичонка потушил сигарету и сплюнул, — у меня еще дел много, я пойду...

— Никуда ты не пойдешь! — Человек в черном бесшумно переместился, оказавшись рядом с воров.

— Как это — не пойду? — Мужичонка оскалил редкие зубы и сунул руку в карман. — Кто мне, интересно, помешает?

Теперь он снова стал похож на сердитого шимпанзе.

— Да хотя бы я! — Тяжелая рука легла на плечо редкозубого. — Понимаешь, ты, профессионал хренов, я не люблю, когда меня водят за нос. А кроме того, ты мое лицо видел...

— Ничего я не видел! — испуганно забормотал мужичонка. — Вон у тебя все лицо закрыто — снизу воротник, сверху кепка...

Теперь он выглядел как самый настоящий трусливый заяц из мультфильма.

— А все-таки ты меня видел! — печально проговорил его собеседник. — А это непорядок...

— Да пошел ты... — Мужичонка попытался вывернуться и в это же время вытащил из кармана нож с выкидным лезвием.

Однако воспользоваться им не успел — из рукава черного пальто выскользнула проводочная петля, захлестнулась на его горле. Несчастный дернулся в сторону, но только сильнее затянул на своем горле удавку. Рот его широко открылся, глаза вылезли из орбит.

— За что... — прохрипел он, пытаясь вдохнуть.

— Я же тебе все объяснил, — спокойно ответил человек в черном. — Лично против тебя я ничего не имею...

Он резко дернул за петлю, и та глубоко врезалась в горло мужичонки. Несчастный воришка странно всхлипнул, колени его подогнулись, и он упал на грязный асфальт.

Человек в черном немного подождал, потом ослабил удавку, снял ее с шеи трупа и спрятал в рукав. Потом осторожно огляделся по сторонам, подхватил труп под мышки, легко поднял его и свалил в мусорный контейнер. Крышку контейнера он аккуратно закрыл и только после этого ушел, мгновенно растворившись в густом тумане.

Утром Надежда Николаевна проснулась поздно. Судя по царящей в квартире гулкой тишине, муж уже ушел на работу, что вызвало у нее острый приступ угрызений совести. Обычно она себе такого не позволяла, вставала вместе с мужем по будильнику и готовила ему завтрак. Сегодня, однако, она проспала и, выйдя на кухню, увидела там только своего рыжего кота Бейсика.

Кот сидел перед холодильником, на его выразительной морде было написано тихое, с трудом сдерживаемое страдание: судя по всему, он находился на грани голодного обморока.

— Бейсик, — проговорила Надежда сонным голосом, — я в жизни не поверю, что Саша ушел, не покормив тебя!

В ответ на ее слова кот тихо, жалобно мяукнул. Казалось, он хотел сказать Надежде: можешь мне не верить, но если я на твоих глазах умру от голода, сможешь ли ты потом спокойно спать? Сможешь ли жить, зная, что на твоей совести загубленная жизнь невинного создания? При этом он посмотрел на хозяйку так проникновенно и трогательно, что она не устояла и положила в его мисочку большую вкусную котлету. Бейсик с урчанием набросился на нее — и только тогда Надежда заметила прищипленную к холодильнику записку:

«Надя, не корми Бейсика! Я его уже покормил. И пожалуйста, понаблюдай за ним — у него совсем нет аппетита, свой корм он есть не стал, я едва уговорил его съесть пару кусочков ветчины. Боюсь, не заболевает ли он».

— Ага, аппетита у него нет! — возмущенно проговорила Надежда. — С чем-чем, а с аппетитом у него полный порядок! Вот с совестью у этого кота большие проблемы! Глаза бы мои на тебя не глядели, наглый пожиратель котлет!

Кот взглянул на нее с явной насмешкой, проглотил остатки котлеты и отправился на диван — досыпать.

А Надежда сварила себе чашку кофе и собралась спокойно ее выпить, прежде чем приступить к домашним делам. А этих дел у нее накопилось столько, что и за неделю не переделать, — огромная гора глажки, и пропылесосить квартиру она собиралась еще вчера, да вот пришлось к матери ехать, и шкаф разобрать давно пора...

Такие перспективы вызвали у нее тяжелый вздох. Надежда покосилась на пылесос, стоявший в углу безмолвным укором, взяла чашку и собралась уже опуститься на стул...

Но тут увидела на этом стуле сумку.

Сумка была незнакомая — большая бесформенная торба из коричневой кожи.

И тут Надежда Николаевна вспомнила вчерашнюю историю — девушку, которая рисовала в метро пассажиров, а потом едва не попала под машину, сумку, которую она, Надежда, отбила в честном поединке у воришки...

— О господи! — воскликнула Надежда. — Как я могла забыть! Ведь ей наверняка нужна эта сумка!

Действительно, вчера, едва дотащившись до дома, Надежда бросила чужую сумку в прихожей и сосредоточилась на своих вещах. У нее-то все было нехорошо, потому что разбила банка с черничным вареньем, залила тыкву, кошелек, детектив, косметичку и вообще всю сумку. Да еще пришлось вымыть пол на площадке, а в небольшой лужице в лифте Надежда решила не признаваться, в конце концов, на что в доме дворник?

Тут очень кстати позвонила мать, чтобы узнать, как Надежда доехала и понравилось ли зятю черничное варенье. Надежда едва не зарычала в ответ.

А во время разговора кот умудрился вымазать лапы в чернике и наследить в кухне. Надежда бросила трубку и принялась ловить кота. Лапы, конечно, не отмылись, несмотря на то что Надежда перепробовала и мыло, и гель, и даже жидкость для мытья посуды. И только успела Надежда кое-как отчистить сумку и выбросить синюю тыкву, как явился с работы муж. Он обратил внимание только на синелапого кота, долго квохтал над ним, кормил вкусненьким и выговаривал Надежде, так что про чужую сумку она забыла начисто.

Очевидно утром, уходя на работу, Сан Саныч увидел ее, валявшуюся в прихожей, и положил на стул, он не любил беспорядка.

Сейчас Надежда перерыла содержимое коричневой торбы и на самом дне, под планшетом для рисунков, под косметичкой и прочими мелочами, которые всегда накапливаются в женской сумке, обнаружила студенческий билет. Из этого билета явствовало, что он принадлежит Екатерине Максимовне Малининой, студентке Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии имени Штиглица, именуемой обычно Мухинским училищем, или просто «Мухой».

«Так, “Муху” мы оставим на крайний случай, — подумала Надежда, — сейчас ведь девушка, которую зовут Катей, находится в больнице, и сумка ей нужна. Мало ли какие мелочи понадобятся, телефон опять же... А вот, кстати, мобильного в сумке нет. Кошелек есть, денег в нем маловато, но все же...

Нужно звонить в справочную по всем больницам, там скажут, куда вчера отвозили жертв дорожных происшествий».

Надежда пододвинула к себе телефон и за четверть часа выяснила, что Екатерина Малинина находится в городской больнице номер четыре, куда ее доставила накануне машина «Скорой помощи».

Четвертая городская больница располагалась неподалеку от дома Надежды Николаевны, что можно было расценивать как перст судьбы. И как шанс хоть ненадолго отложить ненавистные домашние дела.

— Я только отнесу ей сумку и сразу же примусь за хозяйство! — сказала Надежда в пространство, адресуясь, по-видимому, к пылесосу.

Пылесос на эти слова никак не отреагировал, но из гостиной выглянул кот, который посмотрел на хозяйку с недоверием и осуждением.

— А тебя вообще никто не спрашивает, синелапое чудовище! — строго проговорила Надежда.

Кот обиделся и скрылся в гостиной.

И только было Надежда собралась уйти, как позвонила мать.

— Надя, ты знаешь, что случилось? — заговорила она, как всегда на повышенных тонах, что свидетельствовало о том, что она сильно нервничает.

Надежда свою мать знала отлично, поэтому не слишком обеспокоилась — причиной ее волнений могло быть, к примеру, землетрясение в Южной Америке или же очередная драка депутатов на собрании Государственной думы.

— Мама, ты здорова? — быстро спросила она, чтобы свернуть разговор. — Ты не захлопнула дверь, тебя не обокрали в магазине?

— Да что ты такое говоришь?! — взвилась мать. — По-твоему, я ненормальная? Успокойся, я еще не выжила из ума, так что в психушку оформлять меня рановато.

— Мама, ну что ты говоришь...

— Я знаю, что говорю! — с пафосом заявила мать.

— Ах, вот как...

Тут до матери дошло, что она малость перегнула палку и что Надежда может обидеться и повесить трубку. А ей хотелось поговорить.

— Ты слышала, что вчера убили Рюмина?

— Ну да... — неуверенно ответила Надежда, — что-то такое мелькнуло по телевизору.

— Ничего себе мелькнуло! Да все каналы об этом твердят! И московские, и наши! Представь себе, среди бела дня киллер вошел в ресторан и ухлопал двоих человек прямо за столиком!

Надежда вспомнила, что вчера вечером слушала в новостях, что в городе произошло двойное убийство. И правда, на глазах у всех ухлопали депутата Законодательного собрания Рюмина и крупного бизнесмена Шарапова. Если фамилия Рюмина часто мелькала в новостях и отложилась у Надежды в памяти, то фамилия Шарапов ничего ей не говорила. То есть говорила, теннисистка такая есть, но к убитому, надо полагать, она не имеет никакого отношения, фамилия довольно распространенная.

Мать возмущалась в трубку, но Надежда твердо сказала, что ей должны звонить, так что нельзя занимать телефон. Мать с ворчанием бросила трубку.

Надежда допила остывший кофе, привела себя в порядок и отправилась в больницу.

В окошке справочной ей сообщили, что пациентка Малинина, поступившая вчера по «Скорой», находится в неврологическом отделении, в палате номер двенадцать.

— В неврологии? — переспросила Надежда. — Почему в неврологии, а не в хирургии?

— Потому что у нее сотрясение мозга, — пояснила медсестра и добавила, взглянув на Надежду поверх очков: — Состояние средней тяжести, температура нормальная.

Надежда поднялась на четвертый этаж и вошла на неврологическое отделение. Никто ее не остановил, хотя время было неприятное. Очевидно в этой больнице были демократические порядки.

Коридор отделения был пуст. На столе дежурной сестры лежала раскрытая книга, но сама сестра отсутствовала. К счастью, на дверях палат были проставлены номера. Надежда Николаевна прошла мимо седьмой палаты, мимо восьмой, девятой, десятой...

В это время дверь двенадцатой палаты открылась, оттуда вышел мужчина в белом халате.

— Доктор! — окликнула его Надежда.

Она хотела спросить у врача, здесь ли лежит Катя Малинина, но тот отвернулся и быстро пошел прочь по коридору.

Надежда проводила его взглядом. Что-то в фигуре врача показалось ей смутно знакомым, но она не могла вспомнить что. Надежда пожала плечами и вошла в двенадцатую палату.

Здесь были только две кровати. На одной, около окна, спала, разметавшись, полная женщина средних лет, на второй лежала вчерашняя девушка. Она была очень бледной, глаза полузакрыты, в локтевом сгибе закреплена пластырем игла капельницы.

Вдруг глаза девушки открылись, она уставилась на Надежду, ее губы зашевелились.

Надежда подошла к самой кровати и наклонилась над девушкой, чтобы расслышать ее слова.

— Это он, — едва слышно проговорила Катя. — Это он...

— Кто? — удивленно переспросила Надежда.

— Этот доктор... это его я вчера рисовала...

— Что? — Надежда решила, что ослышалась, и склонилась еще ниже.

Но Катя вдруг напряглась, лицо ее покраснело, и она задышала часто и сипло.

— Что с тобой? — всполошилась Надежда Николаевна.

Девушка пыталась что-то сказать, но из ее горла вырывался только свистящий хрип. Лицо ее побагровело, губы посинели, глаза едва не вылезали из орбит. Она в ужасе смотрела на Надежду, потом перевела взгляд на что-то за ее спиной.

Надежда проследила за ее взглядом — и увидела подвешенный на стойке прозрачный пакет с раствором для капельницы. В наполняющей пакет бесцветной жидкости разбегались розоватые змейки — в раствор явно влили какое-то постороннее вещество.

Раздумывать было некогда. Надежда сорвала с Катиной руки пластырь, выдернула иглу, затем бросилась к двери, выглянула в коридор.

Дежурная сестра сидела за своим столом, вода глазами по страницам книги.

— Скорее! — крикнула Надежда. — Позовите врача! Здесь больной очень плохо!

— А вы вообще кто? — Сестра строго посмотрела на Надежду. — Кто вас сюда пустил?

— Да говорят вам — скорее врача! Она умирает!

Сестра, кажется, осознала серьезность момента. Она вскочила, сорвала трубку с телефона, что-то в нее быстро проговорила и, выслушав ответ, бросилась к палате.

Надежда вернулась к Кате. Девушка с трудом дышала, глаза ее начали закатываться. Надежда схватила ее за руку, крепко сжала.

— Держись, милая! Сейчас тебе помогут...

Дверь палаты распахнулась, в нее ворвался высокий худощавый мужчина в белом халате, в два огромных шага подошел к кровати, отодвинул Надежду, наклонился. Рядом с ним тут же возникли две женщины — дежурная сестра и еще одна, постарше и поплотнее.

— Анафилактический шок! — прогремел врач и не глядя протянул руку, бросив: — Адреналин, преднизолон, эуфиллин!

Опытная медсестра уже отламывала горлышки ампул, готовила шприц.

Врач схватил тонкую Катину руку, нашел вену, уверенно ввел в нее иглу. Только закончив инъекцию, он заметил Надежду и раздраженно проговорил:

— Почему посторонние в палате?

— Это я вас вызвала! — сердито ответила Надежда. — Между прочим, посмотрите — в емкость для капельницы что-то ввели... видите, там что-то розовое...

Врач бросил настороженный взгляд на капельницу, помрачнел, но снова повторил:

— Почему здесь посторонние? Убрать!

— Вы слышали, что сказал доктор? — Старшая сестра надвинулась на Надежду. — Покиньте отделение!

— Да ради бога! — Надежда взглянула на Катю, убедилась, что та задышала ровнее и лицо стало более-менее нормального цвета, и вышла из палаты.

В коридоре она остановилась и задумалась.

Катина сумка осталась у нее, но сейчас не до этого. Что там сказала Катя перед тем, как у нее начался этот ужасный приступ? Что-то вроде: «Это он, тот, кого я вчера рисовала...»

Может быть, ей это просто показалось? В конце концов, у девушки сотрясение мозга, чего только в таком состоянии не вообразишь! Но человек в белом халате, который вышел из палаты, и Надежде показался смутно знакомым, хотя она видела его только со спины... и после его ухода с Катей случился этот... как его... анафилактический шок... Не он ли ввел какую-то дрянь в емкость для капельницы? Но зачем?

Дверь палаты открылась, оттуда выкатили каталку, на которой лежала Катя. Сбоку беспомощно свешивалась тонкая рука, глаза девушки были закрыты, но дышала она ровно. Следом за каталкой шел врач, лицо его было озабочено, на лбу блестели капельки пота. Проходя мимо Надежды, он ее демонстративно не заметил.

— Куда ее? — вполголоса спросила Надежда Николаевна старшую медсестру.

— В реанимацию, — ответила та вполголоса.

— Что, все плохо? — забеспокоилась Надежда.

— Да нет, все с ней будет нормально, — поспешно возразила женщина. — Хорошо, что вы вовремя нас позвали... и правильно, что сняли капельницу, иначе...

Она не закончила фразу, но Надежда Николаевна все поняла по ее интонации.

Она собралась было раскричаться, что порядки в больнице отвратительные, что сестры вечно нет на месте, что в палату может пройти кто угодно, что если бы не она, Надежда, то девушки уже не было бы в живых. Но коридор снова был пуст, все ушли, так что орать было не на кого. А что касается подозрения, что Кате что-то влили в капельницу, то Надежда ведь сама этого не видела, а эти, из больницы, будут обязательно честь мундира защищать. И первым делом спросят, кто такая Надежда, кем она приходится больной, зачем пришла. А когда узнают, что человек она, в общем-то, посторонний, то быстренько выпроводят. Так что лучше ей пока уйти. Будем надеяться, что в реанимации порядки построже, тяжелого больного без присмотра не оставят.

Выйдя из маршрутки перед своим подъездом, Надежда Николаевна мысленно перебирала домашние дела, которые нужно успеть переделать до возвращения мужа. Запустить стиральную машину, пропылесосить наконец ковер, разобрать вещи в шкафу, приготовить давно задуманную телятину под белым соусом...

Этот поток сознания был прерван внезапным и грубым образом. Перед самым подъездом Надежду перехватила соседка Антонина Васильевна. Соседка эта была по-своему личностью замечательной. По причине своих габаритов и преклонного возраста она выходила на улицу не то чтобы редко, но недалеко, вечно отиралась возле подъезда. Поэтому была в курсе всех новостей не только их подъезда, но и всего двора. И с радостью делилась со всеми своими знаниями и наблюдениями.

Сегодня Антонина была возбуждена, она шумно дышала, высоко поднимая все свои три железобразных подбородка, лицо покрывали пятна лихорадочного румянца. Видно было, что ее распирает какая-то волнующая информация, которой не терпится поделиться.

— Нет, ну что за времена! — воскликнула Антонина с пафосом, крепко держа Надежду Николаевну за пуговицу. — Что за времена!

— Здравсте, Антонина Васильевна, — вежливо, но сухо отозвалась Надежда, пытаюсь протиснуться в дверь. Это ей не удалось — обладая солидными габаритами, Антонина перегородила весь проем.

— Здравствуй, Надя! Вот ты ходишь одна, а в наше время это очень опасно!

Надежда знала из опыта общения с соседкой, что с ней не нужно вступать в разговор, не нужно отвечать на ее реплики, самое правильное — проходить мимо, опустив глаза в землю, иначе застрянешь надолго, однако на этот раз она допустила промах и отозвалась:

— Как же не ходить? Дел-то много!